

Барбара Картленд

Путь к любви

«АСТ»

1995

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Картленд Б.

Путь к любви / Б. Картленд — «АСТ», 1995

Где можно спрятаться от нежелательного брака лучше, чем в старинном поместье жениха? Особенно если жених этот, известный циник, ловелас и повеса, вот уже много лет как не показывался в «родовом гнезде»? По крайней мере именно так считала юная Имильда Борн, пуще смерти страшившаяся свадьбы с маркизом Мелверли. Но люди предполагают, а небо располагает. Имильда, случайно спасшая жизнь маркизу, теперь не просто связана с ним опасным приключением, но и испытала на себе чары его обаяния...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Картленд Б., 1995
© АСТ, 1995

Содержание

От автора	6
Глава первая	7
Глава вторая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Барбара Картленд

Путь к любви

© Barbara Cartland Ebooks Ltd, 1995

© Перевод. М.В. Кузина, 2007

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

От автора

Все, что я описываю в своем романе, точно отражает ужасающее состояние страны к 1817 году, когда закончилась война с Наполеоном.

Сэр Артур Брайен в своей блистательной книге «Изящный век» рассказывает о разорении фермеров, которое вызвал поток дешевых продуктов с континента в страну. Он пишет и о невыразимом словами крушении надежд людей, которые, вернувшись с войны, не получили даже пенсии и остались без работы.

Многие погибли от голода, но, несомненно, кое-кто вышел на большую дорогу в надежде раздобыть хоть сколько-нибудь средств для существования.

Тем не менее среди землевладельцев было немало таких, кто в своем жестокосердии заламывал непомерную арендную плату ради удовлетворения своих прихотей. А еще больше – тех, кто просто купался в море удовольствий, не отягощая себя заботами.

Но в конце концов, как всегда бывало в нашей истории, англичане воспряли духом настолько, что сумели изменить ситуацию к лучшему, и страна вернулась к нормальной жизни.

Все войны оставляют за собой нищету и разрушения, а наполеоновские войны к тому же продолжались так долго.

Как писал Драйден,

Хорошо, что старый век канул в Лету,
Время начинаться новому.

Глава первая

1818 год

– Надеюсь, ты веселилась вчера на балу? – спросила графиня Хасборн падчерицу.

Взглянув на мачеху, леди Имильда ответила:

– Да, там было довольно весело, но, в общем, этот бал ничем не отличался от всех прочих, на которых я побывала за эту неделю.

– А кто-нибудь сделал тебе предложение? – не отставала графиня.

Леди Имильда не могла скрыть изумления:

– Предложение? Ну что вы! Среди тех, с кем я танцевала, был только один знакомый молодой человек, и, откровенно говоря, он показался мне порядочным занудой.

Графиня нахмурилась.

– Не слишком ли ты привередлива, Имильда, – резко бросила она. – В конце концов, если говорить откровенно, чем скорее ты выйдешь замуж, тем лучше.

Леди Имильда широко раскрыла глаза от удивления.

– Но я вовсе не собираюсь выходить замуж, пока не встречу человека, которого полюблю. Я не хочу всю жизнь прожить с тем, с кем у меня не будет ничего общего.

Графиня раздраженно фыркнула:

– Надеюсь, ты понимаешь, как тебе повезло, что у тебя, девушки на выданье, такой богатый и влиятельный отец. – Помолчав, она решительно продолжала: – Мы уже дали два бала по случаю твоего дебюта в свете. И тебя стали приглашать на другие великосветские вечера. Однако это не будет продолжаться вечно.

– Но почему же? – возразила леди Имильда. – По-моему, слишком спешить с замужеством не стоит.

При этом Имильда подумала о двух своих школьных подругах, которые были немного старше ее. Обе они вышли замуж в первый же год их вступления в свет и были очень несчастливы в браке.

Имильда еще задолго до окончания привилегированной школы для юных леди и возвращения домой решила, что выйдет замуж только тогда, когда полюбит по-настоящему.

Ей и в голову не приходило, что у мачехи на этот счет другое мнение.

Девушка осторожно спросила:

– Неужели вы с отцом хотите поскорее избавиться от меня?

– Дело не в том, что мы хотим от тебя избавиться, – проговорила мачеха. – Но моя обязанность как женщины, заменившей тебе мать, – удачно выдать тебя замуж, как только тебе исполнится восемнадцать лет, а тебе сейчас как раз восемнадцать.

– Уверена, моя мама, будь она жива, так не думала бы, – спокойно проговорила леди Имильда.

– А я уверена, что она тоже считала бы так же, – решительно возразила графиня. – Я уже говорила об этом с твоим отцом, и он согласен со мной, что девушка должна выходить замуж совсем молоденькой, если она хочет сделать приличную партию, которую одобряют ее родители.

– Предположим, я захочу выйти замуж за человека, которого вы не одобрите? – дерзко спросила леди Имильда.

– Об этом не может быть и речи! Но если такое и случится, твой отец уладит это дело.

Леди Имильда вздохнула.

Когда умерла мама, она была безутешна. Мачеху свою она не слишком любила. Они с мамой были совершенно разные люди. Имильда поняла это уже давно, и чем дальше, тем больше убеждалась, что не ошиблась.

Мама всегда старалась отыскать во всех самое лучшее. Для нее весь мир был волшебной сказкой, вроде тех, что она читала Имильде, когда та была маленькой.

На смену сказкам пришли рассказы о рыцарях Круглого стола и баллады трубадуров.

А потом и пьесы Шекспира, которые Имильда слушала, затаив дыхание.

Когда всего через год после смерти мамы отец женился вновь, Имильда поверить в это не могла.

Ее мачеха была очень красивой женщиной, но, как говорила старая няня Имильды, «не все то золото, что блестит».

Женщина практичная и энергичная, новоиспеченная графиня обожала устраивать судьбы людей.

Ей удалось заставить мужа заниматься множеством таких дел, в каких ему никогда и в голову не приходило участвовать.

Однако это, вне всякого сомнения, способствовало укреплению его политического и социального статуса.

И теперь Имильда с ужасом поняла, что мачеха собралась руководить и ее жизнью.

Она не сомневалась, что если сама не позаботится о себе, то глазом моргнуть не успеет, как ее поведет к алтарю какой-нибудь юный пэр, с которым она едва знакома.

Достаточно, чтобы у него был титул и обширное поместье.

Однако Имильда уже по опыту знала, что с мачехой лучше не спорить, если этого можно избежать.

Поэтому сейчас она сказала примирительным тоном:

– Я не сомневаюсь, что вы желаете мне только добра. Но, прошу вас, поймите, мне хотелось бы встретить мужчину моей мечты, прекрасного принца, как я читала в книгах, и выйти замуж за него.

Графиня недовольно поджала губы.

От этого ее красивое лицо стало жестким и неприятным.

– Вчера вечером я разговаривала с некоторыми дамами на балу. Все они сошлись во мнении, что ты самая хорошенькая и привлекательная девушка в зале. Уверена, что молодые люди, с которыми ты танцевала, тоже говорили тебе что-нибудь в этом роде.

– Да, они делали мне комплименты.

– И лорд Сесил, сын герцога? Что он говорил тебе?

– Он говорил только о своих лошадях. Похоже, больше его ничего не интересует.

Графиня нахмурилась:

– А лорд Ренишан? Он очень красивый молодой человек.

– Насколько я помню, больше всего он озабочен сворой собак, с которой намерен поохотиться следующей зимой. Он расспрашивал меня, где охотится папа.

– По-моему, ты вовсе не пыталась привлечь к себе внимание молодых людей, – укоризненно проговорила графиня. – Я в первый же свой сезон получила три предложения, причем от молодых людей из знатных семей, хотя мне не так повезло, как тебе: мой отец не был графом.

Имильда прекрасно знала, как радовалась мачеха, когда ей удалось заполучить в мужья графа.

До того она была замужем за баронетом, страшным занудой гораздо старше ее.

Когда он умер от сердечного приступа, она была еще достаточно молода и красива, чтобы обращать на себя внимание мужчин.

Графа Хасборна она, несомненно, выбрала потому, что из ее поклонников он занимал самое высокое положение.

И, надо сказать, сумела занять в его жизни такое место, что вскоре он уже не мыслил без нее своего существования.

Имильда понимала, что после смерти матери отец чувствовал себя очень одиноким и беспомощным.

Он был рад встретить женщину, которая не только любила его, но и восхищалась всеми его поступками.

Кроме того, она постоянно льстила ему, пытаясь заставить поверить, что он мог бы занять в обществе более важное место.

И весьма в этом преуспела.

Однако Имильда решительно не желала, чтобы мачеха вторгалась и в ее собственную жизнь.

Девушку мало интересовало, голубой ли крови молодой человек, с которым она танцует, и унаследует ли он титул.

Как и ее мать, она ценила в людях их человеческие качества.

И, по правде говоря, светские молодые люди ее разочаровали.

Главное, все они были очень молоды.

А неженатые мужчины постарше шарахались от дебютанток и их честолюбивых мамаш, как от чумы.

Они предпочитали проводить время либо с красивыми замужними дамами, либо с оболстительными жрицами любви, которые пользовались популярностью у всех членов Сент-Джеймского клуба.

Имильда не раз думала про себя, как нелегко, должно быть, соперничать с ними.

И она понимала, почему мужчины считают, что они гораздо интереснее, чем неуклюжие наивные дебютантки, которым встречаться с молодыми людьми до окончания школы категорически возбранялось.

Леди Имильда была необыкновенно умной девушкой.

Мама нередко говорила ей: «Нужно было тебе, моя дорогая, родиться мальчишкой. Папа был бы очень рад иметь второго сына».

Брат Имильды, виконт Борн, находился сейчас за границей.

Они росли вместе и вместе учились, а когда Уильям поступил в Итон, а потом в Оксфорд, Имильда изучала все предметы, которые там преподавались.

Когда брат приезжал домой на каникулы, они обсуждали интересовавшие его темы, и Уильям часто говорил ей: «Ты гораздо умнее меня, Имильда. Нужно было тебе родиться мальчиком, а мне девочкой».

Такое предположение очень смешило их обоих.

Тем не менее Имильде было приятно, что она отлично владеет латынью, греческим и французским языками.

Кроме того, она лучше Уильяма знала классическую литературу.

И теперь, будучи впервые представлена ко двору, девушка очень жалела, что Уильяма нет с ней рядом.

Он очень любил сестру и перед отъездом, словно извиняясь, говорил ей: «У меня никогда больше не будет такого шанса. Как же я могу отказаться?»

Этот шанс состоял в том, что сын нового губернатора Индии предложил ему поехать в эту страну поохотиться на диких зверей.

Естественно, Имильда прекрасно понимала брата.

Но сейчас ей ужасно хотелось, чтобы Уильям был с ней рядом.

Он бы наверняка придумал, как убедить мачеху не выдавать ее замуж столь поспешно.

Словно читая ее мысли, графиня сказала:

– Я знаю, ты думаешь об Уильяме и ждешь не дожدهшься, когда он вернется в Англию. Но ты должна понимать, что рано или поздно Уильям женится, а его жене вряд ли понравится, если ты будешь постоянно крутиться около него, как это было всегда.

– Но мне хорошо с Уильямом, – возразила Имильда. – Это так интересно – спорить с ним, обсуждая такие темы, о которых большинство молодых людей и никто из девиц не имеют ни малейшего представления.

– Это полная нелепость! – отрезала графиня. – Усвой, пожалуйста: ни одному нормальному молодому человеку не понравится, что жена умнее его, особенно если она постоянно ему об этом напоминает.

Помешкав секунду, она продолжала:

– Сегодня мы поедem еще на один бал. Надеюсь, тебе будет сопутствовать большой успех, чем до сих пор.

Графиня опять помолчала, после чего проговорила:

– А в пятницу мы отправляемcя в поместье на стипл-чейз¹, которые твой отец организует ежегодно. Мне еще не подали списка участников, но я его обязательно просмотрю и постараюсь убедить твоего отца включить в него по крайней мере одного молодого человека, который мог бы предложить тебе руку и сердце.

И она вышла из комнаты, оставив Имильду одну.

Девушка вскочила и подошла к окну, которое выходило в небольшой сад, расположенный за домом на Парк-стрит, принадлежавший ее отцу.

Как же ей хотелось очутиться сейчас в деревне!

Тогда по крайней мере она могла бы сделать то, что делала всегда, когда у нее возникала какая-нибудь проблема, – вскочить на лошадь и помчаться верхом куда глаза глядят.

В городе, правда, тоже были лошади, на которых они с мачехой катались по Роттен-Роу². Но разве можно было сравнить эту чинную езду с той бешеной скачкой, какую она устраивала в Хасборн-хаусе в Хартфордшире?

Там Имильда вихрем мчалась по всему поместью отца, перемахивая через изгороди и заборы.

«Что же мне делать? – спрашивала она себя. – И что это мачехе в голову пришло немедленно выдать меня замуж?»

Имильда и представить себе не могла, что для дебютантки ее первый лондонский сезон прошел более чем удачно.

Обдумывая разговор с мачехой, Имильда пришла к неутешительному выводу: мачеха твердо намерена сделать все от нее зависящее, чтобы притащить ее к алтарю.

– Придется сопротивляться всеми возможными способами, – решила Имильда.

И в очередной раз пожалела, что Уильяма нет с ней рядом.

В тот вечер, прежде чем они отправились наверх переодеваться к ужину, к ним подошел отец.

– Мы должны разместить в нашем доме восемь человек, которые будут принимать участие в стипл-чейзе, – сказал граф жене.

– Я как раз собиралась тебя спросить, кого ты пригласишь.

Граф назвал семь фамилий, а потом добавил:

– И наконец этим утром я уговорил маркиза Мелверли к нам присоединиться.

– Мелверли? – воскликнула графиня. – Я понятия не имела, что ты с ним знаком.

¹ Стипл-чейз – скачки с препятствиями. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Роттен-Роу – аллея для верховой езды в лондонском Гайд-парке.

– Я хорошо знал его отца. Мелверли-холл расположен милях в двадцати от нашего загородного дома. Однако с тех пор, как маркиз унаследовал титул, по-моему, он никогда не приезжал в Мелверли, что, естественно, не нравилось жителям поместья.

– Почему же он не ездил в собственное поместье? – спросила Имильда.

– Точно не знаю, – ответил ее отец, – зато мне совершенно определенно известно, что в высшем свете он пользуется весьма дурной репутацией.

– Но почему?

Граф вопросительно взглянул на жену, словно раздумывая, стоит ли прямо отвечать на вопрос дочери.

– Если хочешь знать правду, – вмешалась графиня, – маркиз ведет себя отвратительно.

– Однако, когда маркиз служил под началом Веллингтона³, он был награжден медалью за отвагу, – возразил ее муж.

– Очень может быть, – проговорила графиня, – но с тех пор, как он вернулся из оккупационной армии, он только и делает, что досаждаёт вполне достойным высокопоставленным людям, которым вовсе не хочется, чтобы их жен компрометировали и о них самих судачили, стоит им отвернуться.

– Вы хотите сказать, – проговорила Имильда, желая внести ясность, – что у маркиза было много любовных приключений?

– Слишком много, – решительно проговорила графиня. – Помяни мое слово, в один прекрасный день он попадет в большую беду.

– А жаль, – отозвался граф. – Он очень милый молодой человек и, как я слышал, необыкновенно умный.

– И какая из дам последней удостоилась его внимания? – ядовито спросила графиня.

– Полагаю, эта итальянская красотка, графиня ди Торрио. Я видел ее один или два раза. Необыкновенная красавица и, подозреваю, горячая, как огонь.

Граф рассмеялся собственной шутке, однако, заметив, что графиня показала глазами на Имильду, поспешно сменил тон:

– Ну, как бы там ни было, наездник он отличный, и я почти не сомневаюсь, что именно он выиграет стипл-чейз.

– Очень хорошо, что будет восемь мужчин, – заметила графиня. – Вместе с Имильдой дам тоже будет восемь. Значит, мужчин и женщин поровну. Будут еще судья с женой и твои друзья, герцог и герцогиня Кроукомб.

При упоминании последних в голосе графини прозвучал плохо скрытый восторг.

Она обожала приглашать гостей, носивших громкие титулы.

И впервые с тех пор, как она вышла замуж за графа, герцог и герцогиня Кроукомб, его давние друзья, намеревались остановиться в Хасборн-холле.

Весь остаток вечера графиня пребывала в отличном настроении.

Когда поздно вечером они вернулись с бала, мачеха, к облегчению Имильды, даже не стала расспрашивать ее, с кем она танцевала.

На сей раз графиня была занята предстоящим отъездом в поместье.

Подготовка к проведению стипл-чейза представлялась ей довольно сложным делом, учитывая, сколько участников должно было разместиться в доме.

– Полагаю, – заметила графиня, – что после путешествия и в ожидании стипл-чейза, который состоится на следующее утро, все захотят пораньше лечь спать. Как тебе известно,

³ Веллингтон Артур Уэсли – английский полководец, командующий англо-голландской союзной армией, принявшей на себя главный удар в решающем сражении против Наполеона при Ватерлоо. Впоследствии возглавлял оккупационные войска во Франции.

на вечере будут преимущественно мужчины среднего возраста. Единственной молоденькой и незамужней девушкой будешь ты.

Скачки с препятствиями проводились графом ежегодно.

Графиня была права: в них и в самом деле принимали участие мужчины среднего возраста, однако еще способные участвовать в подобных конных состязаниях.

«Болезнь» за них приезжали либо вдовы, либо замужние женщины, у которых мужья не слишком интересовались скачками, а тем более такими сложными, как стипл-чейз.

В прошлом году в связи с кончиной жены графа скачки не проводились.

А в позапрошлом Имильда была еще слишком юна, чтобы принимать участие в торжественном ужине.

Правда, она украдкой наблюдала за гостями с галереи для музыкантов, которая располагалась над столовой.

Красота сидевших за обеденным столом дам потрясла.

Они и в самом деле выглядели великолепно.

Головы всех венчали тиары, которые имели право носить лишь замужние дамы, в ушах и на шеях сверкали бриллианты.

В столовой то и дело звучал смех.

Имильде казалось, что перед ней разворачивается действие какой-то волшебной сказки, в которой однажды и она сама примет участие.

И вот теперь, когда она и в самом деле получила возможность участвовать в том, что казалось ей сказкой, Имильда испытывала разочарование.

Конечно, на балах и званых вечерах она видела много очаровательных женщин. Их сопровождали красивые и нарядно одетые мужчины.

Однако устраивать балы специально для дебютанток было не принято.

Их начинали «вывозить» в свет, где женщины постарше легко затмевали их.

Но даже если юные леди считали, что не получают достаточно внимания, им не полагалось роптать.

Они должны были быть благодарны за то, что могут наблюдать блестящее общество, которое являл собой лондонский бомонд.

Если бы Уильям принимал участие в стипл-чейзе, Имильда, конечно, получила бы огромное удовольствие от состязаний.

А так ей предстояло наблюдать за соревнованием совершенно незнакомых людей, нимало не переживая ни за кого из них.

Однако она видела, что ее мачеха пребывает в невероятном возбуждении.

Она была преисполнена решимости добиться, чтобы вечер имел грандиозный успех.

Для нее было крайне важно, чтобы все гости остались довольны оказанным им приемом и говорили бы о нем по возвращении в Лондон.

– А ты, папа, разве не будешь принимать участие в состязании? – спросила Имильда отца.

Она помнила, что, когда ей было двенадцать лет, отец выиграл скачки.

– Я собираюсь их судить, – ответил граф. – Я уже слишком стар, чтобы рисковать своей шеей. К тому же скачки – дело утомительное.

– Ах, как жаль, папа! – воскликнула Имильда. – Мне бы так хотелось, чтобы ты выиграл.

– Мне кажется, победителем будет молодой Мелверли, – заметил граф. – Ему всего двадцать семь лет, но он уже доказал, что во многих отношениях заслуживает уважения.

– Но его пороки губят его репутацию, – подала голос графиня.

– По-моему, ты к нему несправедлива, – укоризненно проговорил граф. – Веллингтон не наградил бы его медалью за отвагу, если бы он того не заслуживал. И как жаль, что его отец умер, когда сын был в оккупационной армии.

Помолчав секунду, он продолжил:

– А ведь Мелверли – один из самых богатых людей Великобритании и, кроме того, наследник одного из самых древних графских титулов. Род Мелверли восходит к самому Вильгельму Завоевателю.

Графиня промолчала, однако Имильда видела, что эти слова произвели на нее впечатление.

Вряд ли она теперь будет столь нетерпима к поведению маркиза.

На следующий день ранним утром они выехали в Хасборн.

Граф отправился в путь в своем фаэтоне, приспособленном для быстрой езды, и взял с собой графиню и Имильду.

Фаэтон был таким маленьким, что больше ни для кого места не осталось, лишь грум примостился на запятках.

Багаж, горничные, камердинер графа и прочие многочисленные слуги намного отстали.

Вообще-то в Хасборн-хаусе всегда был большой штат прислуги.

Однако в особых случаях – а стипл-чейз, бесспорно, был одним из них – привозили с собой лакеев, горничных и кухарок из городского дома.

Это всегда сопровождалось страшной суматохой, однако Имильда с интересом наблюдала, как по возвращении домой все слуги тотчас же принимались выполнять свои обязанности.

Фаэтон ехал вдоль аллеи, по обеим сторонам которой поднимались старые липы.

Вдалеке показался дом, освещенный полуденным солнцем. Это было величественное зрелище.

Дом служил семье уже триста лет.

Отец графа устроил в нем картинную галерею, для чего к зданию было пристроено новое крыло.

В саду цвели весенние цветы, и все вокруг казалось Имильде удивительно красивым.

– Если бы только Уильям был здесь, – прошептала Имильда.

Как только они прибыли, девушка побежала к конюшням.

Лошади, которых ей когда-то так не хотелось оставлять, уезжая в школу, были на месте.

Здесь же стояли и лошади участников стипл-чейза, которых их владельцы прислали заранее.

Некоторых лошадей граф приобрел, пока Имильда еще училась в школе.

Девушка поздоровалась со старшим конюхом. Остальные грумы тоже обрадовались ее приезду.

– У нас для вас есть лошади с норовом, миледи, – рассказывали они ей. – Даже вам нелегко будет с ними справиться. – Все они прекрасно знали, что Имильда – отличная наездница.

Когда она сказала, что должна вернуться в дом, главный конюх заметил:

– Жаль, миледи, что виконт не приехал и что вы не можете участвовать в скачках.

– Я бы очень хотела, – призналась Имильда, – но вы знаете, все были бы шокированы, если бы я это сделала, и пришли бы в ярость, если бы я выиграла.

Старший конюх рассмеялся:

– Что верно, то верно. Какому мужчине понравилось бы, что его обскакала женщина!

– А на кого вы собираетесь ставить? – спросила Имильда.

Она знала, что конюхи всегда делали ставки на стипл-чейзе и на других соревнованиях, которые устраивал ее отец.

– Не поверите, на маркиза Мелверли, – ответил старший конюх. – Наездник он отличный, хоть домой и носа не кажет. Нехорошо это, все соседи давным-давно об этом говорят.

Имильда подумала, что со стороны этого молодого человека совершенно безответственно так пренебрежительно относиться к людям, которые зависят от него.

Ее отец всегда лично интересовался делами каждого жителя его поместья.

А мама всегда просила, чтобы ей сообщали, если кто-нибудь заболел, и делала все, что могла, стараясь помочь.

«Если он так себя ведет, надеюсь, он проиграет стипл-чейз», – подумала девушка.

Они прибыли в Хасборн-хаус как раз к позднему ленчу.

Вторая половина дня прошла в бесполезных, как считала Имильда, хлопотах. Мачеха была недовольна тем, как подготовлены комнаты, хотя сама Имильда считала, что все в полном порядке.

Соревнования по стипл-чейзу проводились в поместье в течение многих лет, а большинство слуг девушка помнила с первых дней своей жизни.

Опытная экономка прекрасно знала, кого из гостей в какую спальню поселить.

Графиня, однако, старалась внести свои изменения, что, по мнению Имильды, делать не стоило.

Впрочем, это ее не касалось, и она отправилась в свою спальню, в которой спала с тех пор, как ее переселили туда из детской.

В ней ничего не изменилось.

Та же горничная, что прислуживала Имильде всегда, распаковывала ее вещи.

– А вот и я, Бетси, – проговорила Имильда. – Как я рада тебя видеть!

– Я тоже, миледи. Какая же вы красавица. Прямо на вас не налюбуюсь, – затараторила служанка. – Пора уж вам возвращаться домой, а то небось утомились в Лондоне на всяких балах и вечерах.

– Да, Бетси! Так приятно снова оказаться дома и увидеть в конюшне таких хороших лошадей.

– Их так много, – заметила служанка. – Теперь весь завтрашний день и пока гости не разъедутся только и разговоров будет, что о лошадях.

Имильда рассмеялась, поскольку Бетси была абсолютно права, и начала переодеваться.

Мачеха просила ее спуститься вниз еще до обеда, чтобы встречать прибывающих гостей.

– Большинство приедет издалека, – сказала она падчерице, – так что, вероятно, они предпочтут отправиться в свои комнаты. А перед обедом в гостиной им подадут шампанское.

Имильда молча слушала, и мачеха продолжала:

– Сегодня гости проведут вечер дома, а вот завтра, когда после стипл-чейза на обед придут соседи, твой отец организует для них бридж и другие игры.

Имильда все это уже слышала, поэтому снова промолчала.

Выбрав платье из множества нарядов, которые ей купили к выходу в свет, Имильда надела его.

Платье было, конечно, белое, по подолу и вокруг декольте украшенное маленькими розочками со сверкающими бриллиантиками.

– Вы выглядите просто очаровательно, миледи, – проговорила Бетси, – можете мне поверить. Никогда еще не видела такого нарядного платья.

– Оно модное и очень дорогое, – ответила Имильда. – Думаю, что большинство замужних дам будут с ног до головы увешаны драгоценностями.

– И накрашены, – добавила Бетси.

Имильда знала, что замужние женщины в Лондоне пудрятя, румянятся и слегка подкрашивают губы.

Однако сельские жительницы относились к этому неодобрительно, чтобы не сказать вообще приходили в ужас, как Бетси.

Сама Имильда считала, что накрашенные женщины могут выглядеть очень привлекательно, но несколько театрально.

«По крайней мере, пока я не выйду замуж, я могу об этом не думать», – решила она про себя.

Ее юное свеженькое личико и не нуждалось ни в какой косметике: кожа белая, почти прозрачная; красиво очерченные розовые губы не нуждались в помаде. Светлые волосы, скорее золотистые, при свете свечей неожиданно приобретали медный оттенок.

Имильда знала, что похожа на свою мать.

На портрете, написанном сэром Джошуа Рейнолдсом, мама была необыкновенно хороша собой и казалась несколько неземной, словно греческая богиня, сошедшая с Олимпа.

«Как бы мне хотелось быть такой же», – говорила себе Имильда всякий раз, когда смотрела на портрет.

Спускаясь вниз к обеду, она больше думала о матери, чем о тех людях, с которыми ей предстояло познакомиться.

Когда она вошла в гостиную, там уже были два или три человека, которым отец представил ее.

Двое из них оказались его старыми друзьями, с которыми Имильда встречалась раньше.

Они сказали ей, что она очень выросла и стала такой же красавицей, как ее мама.

– Мне очень приятно это слышать, – улыбаясь, проговорила Имильда, – но я знаю, что на самом деле никогда не стану такой красивой, как мама.

В гостиную вошли другие гости и графиня.

Она очень спешила, но не успела выйти к гостям пораньше, как намеревалась.

– Прошу меня простить, – проговорила она. – Столько дел. Очень хочется, чтобы вам у нас понравилось и чтобы завтрашний вечер прошел успешно.

– Он всегда проходит успешно, – заметил один из гостей. – Я каждый год с нетерпением его жду.

– Надеюсь, у вас будет для завтрашних состязаний хорошая лошадь, – обратился к нему граф. – В моей конюшне – самые лучшие животные, которых мне когда-либо доводилось видеть.

Разговор перешел на лошадей и продолжался до тех пор, пока дворецкий не провозгласил:

– Благородный маркиз Мелверли, милорд.

Граф пошел навстречу вновь прибывшему.

– Простите за опоздание, – услышала Имильда голос маркиза. – По приезде я сразу же отправился наверх переодеться к обеду, чтобы не заставлять себя ждать, но... – смеясь, произнес он.

– Не надо извиняться, – прервал его граф. – Разрешите представить вам мою жену и дочь.

Графиня стояла с ним рядом, и граф огляделся, ища глазами Имильду.

Девушка поспешила присоединиться к ним.

– Я так рада, что вы смогли приехать, милорд, – проговорила графиня. – Здесь только и разговоров о том, что вы станете победителем стипл-чейза.

– Если я им не стану, я почувствую себя униженным, – ответил маркиз.

«Какое самомнение!» – раздраженно подумала Имильда.

– А это моя дочь Имильда, – услышала она голос отца. – В этом сезоне она впервые вступает в свет.

Маркиз протянул руку.

Взглянув на него, девушка увидела, что он необыкновенно красив и отлично это знает.

Руки их соприкоснулись, но уже в следующую секунду маркиз снова повернулся к ее отцу.

– Вы должны сказать мне, милорд, кто мои соперники. Я твердо намерен выиграть кубок, который, как я понимаю, вы всегда вручаете победителю стипл-чейза.

– Их девять человек, – ответил граф. – Вы десятый.

– Надеюсь, десять окажется моим счастливым числом, – заметил маркиз.

В этот момент к нему подошел лакей с подносом, на котором стояли бокалы с шампанским, и маркиз, взяв один из них, поднес его к губам.

– За кубок в соревнованиях по стипл-чейзу графа Хасборна, – провозгласил он. – И за то, чтобы он стал моим.

– Такой тост в этом доме еще никогда никто не произносил, – улыбнулся граф. – Думаю, единственное, что я могу, – это пожелать вам успеха.

– Вы и не должны делать ничего другого! – произнес маркиз.

Гости направились в столовую, и Имильда оказалась за столом между двумя бывалыми участниками стипл-чейза.

Они вспоминали прошлое, из вежливости иногда обращаясь к Имильде, однако в основном переговариваясь друг с другом через ее голову.

Высказав несколько недоброжелательных замечаний в адрес своих соперников, они помолчали, после чего один из них сказал:

– Думаю, Мелверли будет завтра нашим самым сильным противником.

– Он и в самом деле такой отличный наездник, каким старается казаться? – спросил второй. – Я никогда не видел его верхом на лошади.

– Я тоже, – отозвался первый. – Но если он так же умело обращается с лошадьми, как и с женщинами, его следует опасаться.

– Если он все время проводит в Лондоне, кочуя из будуара в будуар, не думаю, чтобы он был в хорошей форме, – презрительно бросил второй.

– Видишь, вон там сидит Кроукомб? – добавил он, кивнув головой в противоположную сторону стола. – Вот он неделями тренировался в своем загородном поместье, и у него есть вполне реальный шанс получить кубок.

– А мне не удалось как следует потренироваться, – вздохнул первый собеседник. – К сожалению, пришлось вчера вечером выступать в палате лордов, а позавчера было важное заседание комитета, пропустить которое я никак не мог.

– Мне тоже не удалось как следует потренироваться, но мы постараемся сделать все, что от нас зависит.

Имильда молча слушала этот разговор, украдкой наблюдая за маркизом Мелверли, который вызывал такое беспокойство у ее соседей по столу.

Он флиртовал с очень хорошенькой женщиной, сидевшей рядом с ним.

Она приехала с богатым и важным баронетом, который сидел по другую руку от нее.

Имильда видела, как ему неприятно, что его спутница все свое внимание дарит маркизу, полностью игнорируя самого баронета.

Хотя Имильда не слышала, что маркиз говорил, по виду женщины нетрудно было догадаться, что он не скупится на комплименты.

Леди томно поводила глазами и то капризно надувала губки, то призывно улыбалась, явно поощряя маркиза.

«Наверное, он всегда так себя ведет, – подумала Имильда. – Поэтому у него такая дурная репутация».

К концу обеда глаза забытого так стремительно баронета метали молнии, а губы плотно сжались.

Наблюдая за ним, Имильда решила, что на ее глазах разворачивается драма: красавица явно была готова оставить своего кавалера и броситься в объятия злодея, в качестве которого, разумеется, выступал маркиз.

Наконец обед закончился, и мачеха Имильды провела дам в гостиную. Мужчины остались в столовой за послеобеденным портвейном.

В гостиной Имильда случайно оказалась рядом с дамой, которая была за столом соседкой маркиза.

Она разговаривала, видимо, со своей подругой.

– Ах, моя дорогая, он обворожителен! Просто обворожителен! Теперь я понимаю, почему Руби чуть не покончила с собой, когда он ее бросил.

– А Сесилия целый месяц была безутешна, – заметила подруга. – По-моему, он их просто околдовал.

– Вполне возможно, – согласилась красавица. – В нем есть что-то такое, чего нет в других мужчинах, что-то завораживающее. Бедный старый Джордж был в ярости, но ничего, я с ним помирюсь.

– Будь осторожна, Вера! Если ты влюбишься в Мелверли, не забывай, что это только вопрос времени, когда он пресытится и бросит тебя.

Вера засмеялась:

– Очень может быть! Но подумай только, сколько удовольствия я получу до того!

Глава вторая

На следующий день солнце светило вовсю и на небе не было ни облачка.

Имильда встала рано и отправилась в конюшню.

Конюхи, все без исключения, говорили только о том, кто станет победителем на скачках.

И все сходились на том, что это будет маркиз.

Когда Имильда вернулась домой, мужчины уже собрались внизу. Дамы предпочли завтракать в своих комнатах.

– У нас еще много времени, – сказал граф. – Состязания начнутся не ранее одиннадцати часов. Было бы неплохо еще раз взглянуть на скаковые дорожки, чтобы мы были уверены, что все сделано как надо.

– Помнится, когда я последний раз принимал участие в стипл-чейзе, был один коварный участок, – заметил один из гостей. – По крайней мере два всадника на нем споткнулись.

– Думаю, это больше не повторится, – успокоил его граф. – Разметка выполнена очень тщательно.

И дальше разговор сосредоточился на стипл-чейзе и лошадях.

Имильда слушала с интересом.

В половине одиннадцатого вниз спустились дамы, разряженные и, как предсказывала Бетси, накрашенные.

Каждая из них старалась подбодрить того из участников состязаний, к которому особо благоволила.

Имильда заметила, что многие сладострастным шепотом желали удачи маркизу.

«Неудивительно, что он так высоко ценит свою особу, – подумала она. – Женщины ему проходу не дают».

Число участников состязаний оказалось больше, чем предполагал граф.

В них пожелали принять участие некоторые из соседей.

Пришлось предупредить графиню, что к ленчу ожидается больше народу, чем предполагалось.

Участники вышли на старт, и все застыли в напряженном ожидании.

Скаковая дорожка отлично просматривалась отовсюду.

Несколько лет назад по приказу графа были построены трибуны на довольно большое число мест.

Сиденья были мягкие и удобные, и на каждом лежал плед на случай, если кому-нибудь из гостей станет холодно.

– Интересно, кто это вырвался вперед, оставив остальных далеко позади? – спросила одна из дам.

– Я уверена, что это маркиз! – воскликнула другая.

– А я в этом сомневаюсь, – возразила первая.

Однако, когда всадники приблизились, сомнений уже ни у кого не осталось: маркиз на целых три корпуса опередил остальных участников состязания.

Один всадник попытался было обойти его на финишной прямой, однако потерпел неудачу: похоже, маркиз и в самом деле был отличным наездником.

Члены палаты лордов восторженными криками приветствовали победителя.

Однако те, кто болел за местного жителя, были недовольны. Имильда слышала, как одна дама раздраженно бросила:

– Мелверли следовало бы дать фору другим!

Маркиз получил множество поздравлений, а когда граф вручал ему серебряный кубок, раздались восторженные возгласы всех присутствовавших.

Затем общество направилось к дому, где уже и участников, и гостей ждал ленч.

В огромной столовой стол был накрыт почти на сорок человек.

Граф произнес приветственное слово, поздравив участников стипл-чейза. После него слово взял маркиз.

Имильда не могла не отметить, что он хорошо говорит, время от времени подтрунивая над самим собой.

После маркиза неожиданно поднялся один из соседей графа.

Начал он с того, что поблагодарил хозяина за доставленное всем удовольствие.

Потом поздравил наездников, отметив, что они набрались опыта и теперь ездят гораздо лучше, чем в предыдущие годы.

Все это продолжалось довольно долго.

Наконец ленч закончился, и дамы отправились наверх, чтобы отдохнуть перед ужином.

Чувствуя себя лишней, Имильда взяла книгу и пошла в свою комнату.

Ее комната располагалась в том же коридоре, что и главная спальня отца.

К своему удивлению, она обнаружила, что маркиза поместили по-соседству, в комнате, дверь которой выходила в тот же коридор.

Когда была жива мать Имильды, в этой комнате всегда была детская: маме хотелось, чтобы ее дети были к ней поближе.

Когда они подросли, их перевели в комнаты, располагавшиеся рядом с комнатой матери.

«Я хочу, чтобы здесь жили только члены нашей семьи», – не раз повторяла она.

Имильде припомнилось, что отец был очень этим удивлен.

«Когда были живы мои родители, – сказал он, – эти комнаты всегда предназначались для членов королевской фамилии и других важных гостей».

«В этом доме нет никого важнее моих детей, – заметила его жена, – за исключением, конечно, тебя, дорогой».

Граф улыбнулся.

«Вот и отлично, – проговорил он. – Зачем принимать членов королевской семьи, когда этого можно избежать».

«Мне никто не нужен, кроме тебя», – тихо ответила графиня.

И вот сейчас Имильда увидела, что маркиз входит в комнату, расположенную рядом с комнатой Уильяма, напротив ее.

Наверное, мачеха специально поселила такого почетного гостя в самых лучших апартаментах, решила она.

Ужин был рассчитан на тридцать человек.

После него должны были прийти соседи, которые хотели потанцевать или поиграть в карты.

Поднимаясь по лестнице, Имильда услышала, что некоторые дамы, переговариваясь между собой, решительно отдавали предпочтение танцам.

– Гарри вчера вечером проиграл гораздо больше, чем мог себе позволить, – говорила одна из них. – Слава богу, мы рано отправились спать.

– А я обожаю танцевать, – заметила другая. – И Питер так хорошо танцует! Однако я не прочь и сыграть в карты, особенно если кто-то оплатит мой проигрыш.

Они весело рассмеялись, но Имильде последняя фраза показалась странной, хотя она знала, что такие случаи – не редкость.

И все-таки как могли дамы из высшего общества, увешанные бриллиантами, позволять оплачивать свои карточные долги чужому мужчине?

Однако долго она над этим задумываться не стала и, войдя в свою комнату, открыла принесенную книгу, историю Тюдоров.

За ужином Имильда с удивлением констатировала, что ее место оказалось рядом с маркизом.

Она полагала, что ее посадят между мачехой и герцогом.

Но, увидев лорда, главу административной власти в графстве, решила, что, естественно, рядом с графиней должен сидеть он.

Ужин начался, и маркиз тут же принялся любезничать с дамой, сидевшей по другую сторону от него.

Имильда насмешливо подумала, что тот, с кем она приехала, наверняка чувствует себя не лучше, чем вчера вечером баронет.

Должно быть, скрежещет зубами от ревности!

Слева от Имильды сидел один из старых друзей отца.

Он обсуждал со своей соседкой новые правила, принятые недавно на заседании жокей-ского клуба.

На Имильду ее соседи не обращали ни малейшего внимания, однако это ее ничуть не задевало.

Она с интересом наблюдала за присутствующими.

Внезапно один из гостей, уже изрядно выпивший, заявил:

– Я считаю, мы должны начать эту трапезу с тоста за здоровье сегодняшнего победителя. Быть может, я несколько запоздал, но я хочу поднять бокал за лучшего наездника, которого я когда-либо видел, за маркиза Мелверли.

Он поднял бокал.

Гости из вежливости последовали его примеру.

– За Мелверли! – воскликнул словоохотливый гость. – За веселого, отличного парня!

Он затянул первый куплет песни, но, поскольку никто его не поддержал, поспешил осушить свой бокал.

Все остальные лишь пригубили, а Имильда поставила бокал на стол нетронутым, решив, что похвал маркизу уже достаточно.

Беседа за столом возобновилась, и Имильда была несколько удивлена, когда маркиз вдруг повернулся к ней.

– Я заметил, леди Имильда, – проговорил он, – что вы не выпили за мое здоровье. У вас на это особая причина или вы считаете, что на сегодня с вас уже довольно шампанского?

Помолчав несколько секунд, чтобы собраться с мыслями, Имильда ответила:

– Если хотите знать правду, я считаю, что не стоит так много суетиться по пустякам.

Маркиз был явно удивлен:

– Так вы считаете, что состязания, которые устраивает ваш отец, – это пустяки? Странно!

– Но ведь пили за вас, а не за скачки, – возразила Имильда.

– Значит, вы считаете, что я не стою того, чтобы за меня пить? – упорствовал маркиз.

Имильде показалось, что, хотя маркиз и поражен выказанным ему неуважением, он искренне хотел бы узнать, чем руководствовался человек, осмелившийся на это, и девушка решительно произнесла:

– Я считаю, милорд, что ваше внимание должно быть сосредоточено на гораздо более важных вещах.

– Каких же? – спросил маркиз с плохо скрываемой враждебностью.

– Если вы и в самом деле хотите это знать, я скажу, но, возможно, это будет вам неприятно.

– Все равно говорите, – резко бросил маркиз.

– Если вы хотите знать правду, – проговорила Имильда, – я считаю странным, что такой влиятельный джентльмен, как вы, не старается в данный момент способствовать восстановлению своей страны, разрушенной войной.

Маркиз с изумлением смотрел на нее. Похоже, он не понимал, что она имеет в виду. Наконец он произнес:

– Полагаю, вам должно быть известно, что ради мира в нашей стране я сражался на полуострове, участвовал в битве при Ватерлоо. По-вашему, это ничто?

– Этого недостаточно для человека столь влиятельного, занимающего такое высокое положение, как вы. Мы сумели выиграть войну, но у нас плохо получается использовать долгожданный мир.

– Что конкретно вы имеете в виду? – спросил наконец маркиз.

– Большинство мужчин, которые вернулись из оккупационной армии, равно как и тех, что пришли домой после окончания войны, не получили ни работы, ни пенсии от благодарного правительства.

Секунду помолчав, маркиз сказал:

– Мне кажется, если бы они хорошенько поискали, то смогли бы найти работу. Фермеры всегда испытывают недостаток в рабочей силе.

– Так было во время войны. Но когда война закончилась, с континента в Англию начали привозить дешевые продукты, и фермерам пришлось несладко. До сих пор очень многие из них с трудом сводят концы с концами.

Маркиз промолчал, и Имильда догадалась, что он понятия об этом не имел.

– Если вы читаете газеты, – продолжала она, – то должны знать, что многие сельские банки обанкротились и фермеры потеряли все свои сбережения.

Маркиз не проронил ни слова.

– Они лишились работы. Им оставалось или идти воровать, или надеяться на помощь более удачливых соседей. Если не это, их ждала голодная смерть.

– Я действительно не представлял, как плохо обстоят дела, – проговорил маркиз.

– Именно настолько, – сурово подтвердила Имильда. – И я считаю, что такой влиятельный человек, как вы, должен был бы довести до сведения властей истинное положение дел в деревне.

– Но власти наверняка знают обо всем, что вы мне только что рассказали.

– Чтобы что-то было сделано, нужно всколыхнуть общественное мнение. А вы, милорд, имеете возможность выступать с трибуны палаты лордов.

– Это верно. Но я очень сомневаюсь, что кто-нибудь заинтересуется моим мнением.

– Не стоит скромничать, – заметила Имильда. – Вы герой войны. Но есть и другие герои. И никто из них не вспомнил о тех, кто был ранен при Ватерлоо. Они вернулись в Англию, и их, искалеченных, оставили умирать с голоду. Они не получили даже пенсии, но никто не удосужился поставить об этом вопрос перед парламентом.

Имильда с трудом сдерживала слезы, и маркиз поспешно проговорил:

– Как вам известно, после окончания войны я служил во Франции. Неужели никто не позаботился об этих людях?

– Только их односельчане. Те же, у кого не оказалось ни родственников, ни друзей, были вынуждены просить милостыню либо воровать.

– Клянусь вам, я понятия об этом не имел! Конечно, что-то должно быть сделано для этих несчастных.

– Так многие говорили, но до дела ни у кого руки так и не дошли, – заметила Имильда.

– А сейчас? – спросил маркиз.

– Сейчас дело, похоже, сдвинулось с мертвой точки. Но все-таки правительство очень плохо представляет себе, как трудно живет фермерам.

Маркиз ничего не ответил, и Имильда поняла, что ее слова были услышаны. Он явно размышлял о том, что она ему только что рассказала.

Несколько секунд они молчали, потом Имильда проговорила:

– В мирное время не меньше, чем на войне, нужны те, кто способен повести за собой других.

Маркиз собирался что-то ответить, но дама, за которой он ухаживал до начала разговора с Имильдой, недовольно произнесла:

– Вы не обращаете на меня никакого внимания!

Прежде чем маркиз успел что-либо ответить, графиня, сидевшая во главе стола, поднялась, за ней встали и остальные дамы и вышли из столовой.

Имильда, оставшись за столом, размышляла, не сказала ли она чего-то лишнего.

Страстные слова, обращенные к маркизу, вырвались у нее непроизвольно.

Просто она чувствовала, что человек, который так много сделал для своей страны во время войны, обязан и в мирное время отдавать всего себя общественному служению.

Выйдя из столовой, она вслед за дамами направилась в танцевальный зал, откуда уже доносились звуки музыки: там играл небольшой, но отлично слаженный оркестр.

Мужчины вскоре присоединились к дамам, и бал начался. Имильду много приглашали, но маркиз в зале так и не появился. Похоже, он присоединился к мужчинам, засевшим за карты.

В полночь граф заметил, что уже настало воскресенье и пора расходиться.

Присутствующие встретили его заявление смехом, хотя участники скачек признались, что устали.

Правда, дамы предпочли бы продолжать танцы и игры до утра, но хозяин дома настоял на своем и увел всех наверх.

Имильда вышла вместе с остальными дамами.

Войдя в свою спальню, она с облегчением вздохнула: слава богу, скоро выходные закончатся и гости разъедутся по домам.

Ей так хотелось поездить верхом вместе с отцом, как в прежние времена, когда они носились галопом по поместью вместе с Уильямом.

«Наверное, мачеха останется опять недовольна тем, что я не обращала внимания на присутствовавших сегодня на балу мужчин», – подумала девушка.

Однако все они, за исключением, пожалуй, маркиза, показались ей совершенно неинтересными.

Никто из них не был озабочен тем, чтобы приносить пользу обществу, и беззаботно порхали по жизни, ни о чем не задумываясь.

«Может быть, я слишком многого от них требую, – размышляла Имильда, раздеваясь. – Но сейчас перед страной стоит столько проблем, что мужчины просто не имеют права убивать время, заботясь только о собственных удовольствиях».

Она слышала, как в коридоре джентльмены с довольным смехом и шутками обменивались впечатлениями о тех развлечениях, которые ждут их в Лондоне.

Женщины разговаривали шепотом, из чего Имильда сделала вывод, что они делятся друг с другом подробностями своих любовных приключений.

В спальне Имильда была одна. Она предупредила Бетси, что та может ее не дожидаться.

После тяжелого и длинного дня горничная устала, и Имильда пожалела ее, разрешив пораньше лечь спать.

Сняв платье, девушка повесила его в шкаф и надела красивую ночную рубашку, после чего задула стоявшие на туалетном столике свечи.

В комнате было жарко, и, подойдя к окну, Имильда раздвинула шторы. Внезапно ей послышалось, что дверь приоткрылась.

Однако поскольку девушка в этот момент была занята тем, что закрепляла створку окна, она решила, что ошиблась.

Задержав снова шторы, чтобы утреннее солнце не разбудило ее слишком рано, она обернулась и заметила на полу, в дальнем углу комнаты, что-то темное.

В полумраке Имильда не сразу рассмотрела, что это такое.

Но когда глаза ее привыкли к темноте, она с ужасом поняла, что это огромная крыса.

Единственное, чего Имильда по-настоящему боялась, так это крыс.

К тому же она никак не ожидала увидеть такую мерзость у себя в спальне. Девушка громко завизжала от страха.

Однако крыса и не думала убегать.

Имильда испугалась, что крыса может броситься на нее и укусить, и громко закричала:

– Помогите! На помощь!

Дверь распахнулась, и послышался мужской голос:

– Что случилось?

– Крыса! Огромная... крыса! – выкрикнула Имильда.

И как раз в этот момент крыса нырнула под кровать и исчезла.

Мужчина вошел в комнату, и Имильда увидела маркиза.

– Крыса? – переспросил он. – Вы уверены?

– Совершенно... уверена, она... забралась... под кровать, – запинаясь, пролепетала Имильда.

Маркиз нерешительно огляделся, но тут с порога послышался недовольный голос:

– Что здесь происходит? – И в комнату вошла графиня.

– О господи! Что вы делаете у Имильды в спальне? – повернулась она к маркизу.

– Я услышал крик, – принялся объяснять тот. – И поспешил на помощь. Кричала ваша падчерица. Ее испугала крыса, которая забралась в комнату.

– Крыса? – недоверчиво фыркнула графиня. – Что за чепуха! В этом доме нет ни крыс, ни мышей, уверяю вас.

– Это... неправда, – проговорила Имильда. – Здесь была крыса... только что... она убежала под кровать.

– Быть того не может! – отрезала графиня. – Я думаю, милорд, вам лучше вернуться в вашу спальню. А утром мой муж с вами побеседует.

Маркиз бросил взгляд на хозяйку дома, но, поняв, что она имеет в виду, он плотно сжал губы и, не говоря ни слова, вышел из комнаты.

– Но здесь и в самом деле... была крыса, – попыталась объяснить Имильда.

– Я тебе не верю. Поведение его светлости возмутительно, и, уверяю тебя, твой отец со мной согласится.

И она вышла из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Имильда так и ахнула, представив, что осталась в комнате одна с крысой.

Она зажгла свечу, открыла дверь спальни и вышла в коридор.

Там не было ни души: все гости разошлись по своим комнатам.

Имильда открыла дверь спальни Уильяма и вошла.

Эту комнату она знала не хуже, чем свою собственную.

На стенах висели дорогие Уильяму вещицы, в книжном шкафу стояли его любимые книги.

Кровать не была застелена, однако Имильду это мало беспокоило. Она скользнула под одеяло и положила голову на подушку без наволочки.

Под впечатлением событий этого вечера девушка никак не могла успокоиться.

Но мало-помалу сердце перестало иступленно биться в ее груди, и Имильда обрела способность рассуждать здраво. Она поняла, что угодила в хитроумную ловушку, которую расставила ее мачеха.

Если теперь кто-то узнает о том, что в ее спальне ночью был мужчина, это безвозвратно погубит ее репутацию.

Единственное, что порядочный джентльмен может сделать при сложившихся обстоятельствах, – это предложить жениться на ней, чтобы спасти ее доброе имя.

Лежа в кромешной тьме, Имильда размышляла о том, как ловко мачеха все устроила.

Завтра отец поговорит с маркизом, и тому не останется ничего другого, как взять на себя ответственность за случившееся, предложив его дочери руку и сердце.

Это было настолько неправдоподобно, что Имильда никак не могла поверить, что все это действительно происходит с ней.

Внезапно она вспомнила, что, закрепляя створку окна, услышала, как дверь в ее комнату приоткрылась.

Должно быть, именно тогда в ее комнату и запустили крысу.

И не случайно маркиза поместили в комнату, которой пользовались только по особым случаям.

Имильда с ужасом поняла, что мачеха все подстроила заранее. Похоже, она твердо решила устроить жизнь падчерицы, как устраивала судьбы всех, кто встречался на ее пути.

Маркизу будет очень трудно, а быть может, и невозможно высвободиться из этой ловушки.

Охваченная этими невеселыми мыслями, Имильда никак не могла заснуть.

Она ворочалась с боку на бок до самого рассвета, мечтая, чтобы события прошлой ночи оказались лишь игрой ее воображения или дурным сном, но понимая, что надеяться на это нечего.

К тому времени, когда солнце встало, она решила, что ей необходимо доказать самой себе, а если удастся, то и отцу, что в ее спальне и в самом деле была крыса.

Имильда с трудом заставила себя выйти из спальни Уильяма и отправиться к себе.

Дверь в ее комнату оказалась открыта, хотя девушка была абсолютно уверена, что, уходя, захлопнула дверь за собой.

Ей отчетливо припомнилось, что она сделала это сознательно, боясь, что крыса выбежит и последует за ней.

Значит, когда она, Имильда, отправилась в комнату брата, мачеха открыла дверь ее комнаты и выпустила крысу.

Вряд ли та осталась бы в незнакомом помещении, где в полу не было ни одной дырки, через которую она могла бы ускользнуть.

Имильда понимала, что теперь ей бояться нечего, однако страх не оставлял ее.

Осторожно подойдя к окну, она распахнула шторы.

В комнату ворвался солнечный свет и сделал спальню привычной, красивой и уютной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.